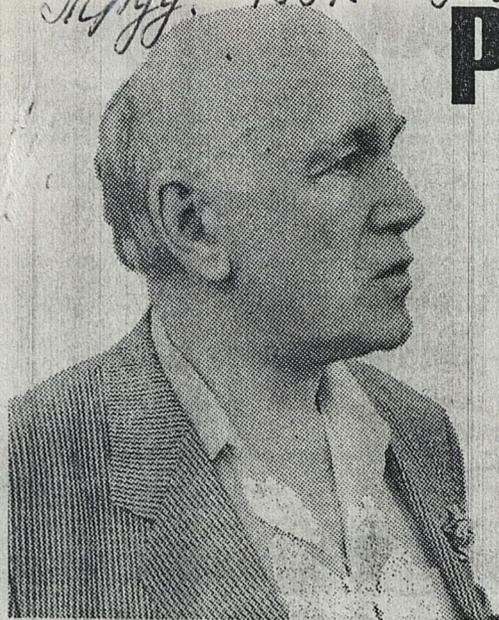

Лев Наумов — 1997 — 9 авг. — 05.

РИХТЕР — ИЗЛУЧЕНИЕ МУЗЫКИ

Полвека дружбы с великим мастером

Трудно найти человека, даже далекого от музыки, который бы не знал, кто такой Святослав Рихтер. Слава музыканта поистине всемирна. Конечно, есть артисты-исполнители, не менее знаменитые, чем он. Но Рихтер неповторим. Если попытаться в двух словах охарактеризовать то, что отличает его, я бы сказал так: духовная свобода. Об этом артисте говорят: он напряженно борется за утверждение своих идеалов. Рихтеру словно и не надо было этого делать. Он "просто" жил в искусстве, жил светло, щедро делясь этим светом с другими. Сила его личности такова, что мир вокруг него как бы сам с радостью подчинялся нравственным, художественным законам, "излучению" этой личности.

Теперь, когда его уже нет, хочется пристальнее взглянуть в дорогие черты. Сегодня о великом художнике вспоминает его коллега, профессор Московской консерватории пианист Лев Николаевич Наумов.

— Святослав Рихтер и Генрих Густавович Нейгауз (его и мой учитель) — вот два человека, два столпа, направивших меня (и не только, наверное, меня) на моем человеческом, музыкантском пути.

Помню первую встречу со Святославом Теофиловичем; это было в 40-х годах. Я пришел к Генриху Густавовичу на занятие, но он куда-то торопился и сказал: Славочка, позанимайся с моим учеником... Я запомнил этот урок на всю жизнь. Мы играли быстрые прелюдии Баха. Рихтер нашел тогда замечательный образ для до-минорной прелюдии: пальцы работают, словно маленькие рычаги...

Бах был для него композитором, возвышавшимся над всеми другими.

— Возможно, потому что Баху свойственно это поразительное сочетание простоты, человечности выражения и космичности мировосприятия?

— Возможно. Рихтеру тоже была присуща высокая философичность

отношения к жизни, основанная притом на почти детской непосредственности ее восприятия. Генрих Густавович очень точно сказал, что Рихтеру музыка летела как бы с высоты птичьего полета, откуда можно охватить взглядом и весь горизонт, и мельчайшую деталь пейзажа. Как он играл сюиты Баха! Меня поразило это КРУПНОЕ мышление, когда ВНУТРИ частей почти не было динамических, темповых градаций, но зато в контрастах МЕЖДУ частями замысел целого проступал абсолютно ясно. Или его исполнение Прелюдий и фуг из Хорошо темперированного клавира... Когда он играл их в ЦМШ, все голоса, все мелодические линии буквально дышали.

Его звук был удивительно значительным. Не обязательно громким. Когда, например, он аккомпанировал Нине Львовне Дорлиак (его жене, многолетнему партнеру по концертной деятельности), в его игре все равно чувствовалась эта львиная мощь, масштаб, но при звучностях таких, которые ни в коем случае не помешали бы певичке. Так они исполнили на концертах буквально все лучшее из мировой вокальной музыки: "Зимний путь", "Прекрасную мельничиху" Шуберта, всего Грига, Дебюсси, Гуго Вольфа, совершенно

гениально — Мусоргского. Жаль, что очень мало из этого сохранилось в записях.

— Меня всегда поражали его руки — очень крупные, почти мужские...

— Скорее они напоминали руки скульптора. Покойный Станислав Генрихович Нейгауз рассказывал, что ужасно любил смотреть, когда Светик занимался, на его руки — какие они умные, "удобные".

И в то же время им, всему его большому телу, самому облику было присуще что-то мягкое, почти кошачье. И властное одновременно! Этим пальцам были доступны любые нюансы, им все давалось с потрясающей легкостью и естественностью.

С приходом Рихтера в музыку родились новые идеи в исполнительстве. Например, игра, внешне почти бесстрастная, но внутренне настолько наполненная смыслом, что производила впечатление более потрясающее, чем иное "выразительное" исполнение. Или наоборот, внезапные, ошеломляющие смены настроения где-нибудь у Дебюсси. Его исполнение Шестой сонаты Прокофьева по захватывающей силе трудно с чем-либо сравнить, он буквально ворвался с ним на рубеже 40-х годов в музыкальную жизнь. (Сергей

Сергеевич потом посвятил ему свою последнюю, Девятую сонату). Игра Рихтера производила впечатление не только звуковое, но и зрелищное — ведь я видел его жест, мимику...

Жаль, что он не очень любил сниматься...

Он вообще как-то чуждался технической стороны цивилизации. Например, избегал самолетов...

— И большую часть своих путешествий, в том числе знаменитые гастрольные поездки 80-х годов по городам Сибири и Дальнего Востока (Рихтеру уже было около 70 лет!) совершил в собственном джипе... Тогда эти поездки изумили многих — играть по клубам, музыкальным школам Талды-Кургана, Прокопьевска, Ачинска... А ему, по его собственному признанию, было просто интересно побывать там, где он еще не был, пообщаться с публикой, с которой еще не общался.

— Да, он был открытый, общительный человек. Всегда хотел поделиться тем, что знает, умеет, с окружающими. Любил домашние встречи — например, устраивал вечера слушания для детей (у меня была дочка, у моего коллеги Якова Мильштейна — сын). Так мы, скажем, прослушали оперу Гумпердинка "Хензель и Гретель". Он тщательно готовился к таким прослушиваниям: писал фломастером на больших листах ватманской бумаги содержание сцен, выставлял их на специальную подставку, а сумку, наподобие почтовой, заранее наполнял пряниками, и дети их вытаскивали — ведь по сюжету там являлся пряничный домик...

Очень волнующим был период ожидания Рождества. За несколько дней до праздника Святослав Теофилович начинал вместе с домашними и друзьями слушать Рождественскую ораторию Баха. Это тоже делалось со свойственной ему тщательностью, методичностью. Рихтер считал, что в наше торопливое время утеряна культура длительного слушания, да и исполнения тоже: при

игре мы часто "проглатываем" повторения разделов, целых частей, а ведь они обозначены авторами... И вот каждую часть Оратории мы слушали отдельно, причем не один раз: был предусмотрен перерыв на чай — и снова музыка. Наталия Журавлева, дочь знаменитого чтеца Д.Н. Журавлева, его большого друга, читала текст соответствующих разделов Евангелия. Так, день за днем, мы "продвигались" все дальше, пока наконец в само Рождество не зажигалась елка, и Оратория звучала целиком от начала до конца.

У Рихтера имелся громадный ди-апроектор какой-то необыкновенной мощности, позволявший передавать любое изображение на стену. Святослав Теофилович тщательно подбирали, изготавливали, окантовывали для него изображения — и проводил вечера памяти Г.Г. Нейгауза (у меня до сих пор сохранился сценарий этого вечера), польского композитора Шимановского, своих родителей, которых он обожал; демонстрировал музыку своего отца, бывшего талантливым композитором. Это было тем более интересно, что я, к сожалению, уже не застал "папу Тео", а вот моя жена Ирина Ивановна помнит этого доброго, мягкого человека, ведь она росла в Житомире, родном городе Святослава Теофиловича... От Ирины знаю, что эта тяга к устройству представлений, действий была свойственна Рихтеру с детства: он и ее вовлекал в какие-то празднества, шабаши на Лысой горе, как они называли близлежащий небольшой пригорок... Потом из этого увлечения родились знаменитые рихтеровские домашние костюмированные балы, в которых он (наверное, единственный в Москве 70-х годов) воскрешал традиции светских игр XIX века. И из этого же, из домашних "слушаний", возникли Декабрьские вечера в Пушкинском музее, ставшие одной из самых прочных традиций московской художественной жизни 80—90-х годов...

— Одно время о Рихтере стало модно говорить как об обиженном режиме, чуть ли не диссиденте. Например, когда умира-

ла его жившая после войны в Германии мать, а его к ней не выпускали...

— Он не был диссидентом, хотя бы потому, что ненавидел политику. У Рихтера не было оснований испытывать особые симпатии к тогдашней власти. Но он жил другими интересами. Помню, с каким восторгом он рассказывал, что купил на свои зарубежные гонорары автобус, чтобы возить друзей. А ведь у него забирали 90 процентов тех сумм, что платили ему импресарио. Представляете, сколько на нем заработало наше государство... Ему на самом деле в жизни было нужно очень немногое: возможность заниматься, концертничать. Он, наверное, и умер потому, что не смог уже играть. Врачи не разрешали подходить к инструменту. Медицинскими соображениями объясняется и скитальческий образ жизни, который он вел в последние годы: ему требовался теплый климат. А его постоянно тянуло домой. Еще на Пасху он сюда рвался, но помните, какие в Москве стояли холода...

И вот нынешним летом он вдруг вновь начал заниматься, причем помногу! Мне рассказывал Владимир Виардо, дававший мастер-классы в Париже, в центре "Ямаха", что над ним кто-то стал разучивать неоконченную сонату Шуберта. Оказалось, это Рихтер! Он собирался играть ее на Тарусском летнем фестивале (который он тоже придумал и много лет осуществлял художественное руководство им). 5 июля Святослав Теофилович, после 3 лет отсутствия, приехал в Россию. Он надеялся, что это вольет в него новые силы. Но сердце было слишком изношено.

Его уход, как и уход Г.Г. Нейгауза, — конец целой эпохи. Хотя в России рождались и, я уверен, будут рождаться новые таланты, но такой личности мы больше не увидим. Страшная потеря. Сегодня о нем нелегко говорить, да и всегда будет трудно говорить в прошедшем времени.

Записал беседу Сергей БИРЮКОВ.

Машков

Лев Наумов

09.08.97

187